

временной отечественной этнографии, многие годы отлученной от трудов знаменитого ученого, и стимулировать изучение этнографической мысли русского зарубежья.

Публикуемая работа печатается по ее первому изданию (Кн. Н. С. Трубецкой. О туранском элементе в русской культуре//Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 351 — 377). В публикации сохранены авторская орфография и пунктуация, за исключением изменений, вызванных переводом текста оригинала на современную графику.

Примечания

¹ У нас в стране изданы: Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960; его же. Избранные труды по филологии. М., 1987 и ряд статей по лингвистике в научных сборниках.

² Трубецкой Н. С. Финская песнь «Kulto peito» как переживание языческого обычая//Этнографическое обозрение. 1905. № 2 — 3. С. 231 — 233.

³ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

⁴ Савицкий П. Н. Евразийство//Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 22.

⁵ Гиппиус З. Н. Второй кошмар//Последние новости. 2 марта 1927 г.

⁶ См.: О газете «Евразия» (Газета «Евразия» не есть евразийский орган). Париж, 1929.

⁷ Степан Ф. Об общественно-политических путях «Пути»//Современные записки. Париж, 1926. № 29. С. 445.

⁸ N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P.: Mouton, 1975. P. 443.

⁹ Ibid. P. 12.

¹⁰ Ibid. P. 13.

¹¹ Карсавин Л. П. Основы политики//Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 185 — 239.

¹² Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре//Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 374.

¹³ См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 35.

Кн. Н. С. Трубецкой

О ТУРАНСКОМ ЭЛЕМЕНТЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

1

Восточнославянские племена занимали первоначально лишь незначительную часть громадной территории, которую занимает современная Россия. Славяне заселяли первоначально только небольшую западную часть этой территории, речные бассейны, связующие Балтийское море с Черным. Вся прочая, большая часть территории современной России была заселена преимущественно теми племенами, которые принято объединять под именем «туранских» или «урало-алтайских». В истории всей названной географической области эти туранские племена играли первоначально гораздо более значительную роль, чем восточнославянские, русские племена. Даже в так называемый домонгольский период туранские государства в пределах одной европейской России (царство волжско-камских болгар и царство Хазарское) были гораздо значительнее варяжско-русского. Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами. Распространение русских на Востоке было связано с об-

руснием целого ряда туранских племен, сожительство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю. Если сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти великорусса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь, и если та же туранская кровь (от древних степных кочевников) в значительной мере течет и в жилах малороссов, то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам, русским, необходимо учитывать наличие в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев. Между тем до сих пор мы мало заботились об этом: мы склонны были всегда выдвигать наше славянское происхождение, замалчивая наличие в нас туранского элемента, даже как будто стыдясь этого элемента. С этим предрассудком пора покончить. Как всякая предвзятость он мешает правильному самопознанию, а правильное самопознание есть не только долг всякой личности, но и непрременное условие разумного существования всякой личности, в том числе и нации, понимаемой также как своего рода личность.

Под именем «туранских» или «урало-алтайских» народов разумеют следующие пять групп народов.

Народы угро-финские, которые по признакам языкового родства подразделяются на западных финнов (эстов, карелов, собственно финнов и ряд мелких племен), лопарей (в Швеции, Норвегии, Северной Финляндии и в России на Кольском полуострове), мордву, черемис, пермских финнов (зырян и вотяков) и угров (мадьяр или венгерцев в Венгрии и Трансильвании и «обских угров», т. е. вогулов и остяков в Северо-Западной Сибири); к той же группе угро-финских народов принадлежали и вымершие (точнее, вполне обрусевшие) древние племена — меря (по языку родственная черемисам), весь (по языку западнофинское племя), мурома и мещера, упоминаемые русскими летописями.

Самоеды, делившиеся на несколько племен, ныне почти вымершие и сохранившиеся лишь в незначительном количестве в Архангельской губернии и Северо-Западной Сибири.

Тюрки, к которым принадлежат турки-османы, разные татары (крымские, казанские, азербайджанские, тобольские и т. д.), мещеряки, тептяри, балкарцы (карачаевцы, урусбиевцы и проч.), кумыки, башкиры, киргизы-кайсаки, каракиргизы, туркмены, сарты, узбеки, алтайцы, якуты, чуваша и целый ряд древних исчезнувших народов, из которых наиболее известными являются хазары, болгары (волжско-камские и «аспаруховы»), половцы (иначе куманы или кипчаки), уйгуры и проч.

Монголы, к которым принадлежат в пределах России калмыки и буряты, а за ее пределами — собственно монголы в Монголии.

Маньчжуры, к которым кроме собственно маньчжуров принадлежат еще гольды и тунгусы (ныне почти поголовно вымершие или обрусевшие). Несмотря на ряд общих антропологических и лингвистических признаков, свойственных всем перечисленным группам народов и позволяющих объединить их под общим именем туранских, вопрос об их генетическом родстве является спорным. Доказанным можно считать только родство угро-финской группы языков с самоедской, и обе эти группы объединяют иногда под общим именем «уральской семьи языков»¹. Но все же даже если остальные три группы туранских языков и народов генетически не родственны между собой и с «уральцами», тем не менее близкое взаимное сходство всех туранских языков и психологический облик всех туранских народов совершенно не подлежит сомнению и мы имеем право говорить о едином туранском психологическом типе, совершенно отвлекаясь от воп-

¹ Родство между тюркскими, монгольскими и маньчжурскими языками (объединяемыми в общую группу «алтайских языков»), считавшееся долгое время весьма вероятным, за последнее время в связи с более детальным их изучением подвергнуто сомнению. Родство между «уральскими» языками и остальными туранскими большинством лингвистов теперь решительно отрицается. И только за самое последнее время стали вновь делаться попытки научно доказать это родство.

роса о том, обусловлена ли эта общность психологического типа кровным родством или какими-нибудь другими историческими причинами.

2

Туранский психический облик явственнее всего выступает у тюрков, которые к тому же из всех туранцев играли в истории Евразии самую выдающуюся роль. Поэтому мы будем исходить из характеристики именно тюрков.

Психический облик тюрков выясняется из рассмотрения их языка и продуктов их национального творчества в области духовной культуры.

Тюркские языки очень близки друг другу, особенно если отвлечься от иностранных слов (персидских и арабских), проникших в огромное число в языки тюрков-мусульман. При сравнении отдельных тюркских языков между собой легко выявляется один общий тип языка, яснее всего выступающий у алтайцев. Тип этот характеризуется своей необычайной стройностью. Звуковой состав слов нормируется рядом законов, которые в чисто тюркских, не заимствованных словах не терпят исключений. Так, гласные в каждом слове подчиняются законам «гармонии гласных»: если первый слог слова заключает в себе одну из «задних» гласных (а, о, ы, у), то и все прочие слоги того слова, сколько бы их ни было, должны заключать в себе одну из этих задних гласных; если первый слог заключает в себе одну из «передних» гласных (а¹, ö, i, ü), то и все прочие слоги того же слова непременно заключают в себе одну из этих передних гласных; совмещение в разных слогах одного и того же слова гласных задних и передних не допускается, каждое слово является либо сплошь «заднегласным», либо сплошь «переднегласным». Аналогичные законы нормируют и употребление гласных «темных» (т. е. связанных с выдвиганием губ: о, у, ö, ü) и «светлых» (т. е. не связанных с выдвиганием губ: а, ы, а¹, i)². В наиболее типичных тюркских языках такими же строгими и не терпящими исключений правилами нормируется и употребление согласных в слове: одни согласные (напр. к, г, л) допускаются только в «заднегласных», другие (напр., кь, гь, ль) — только в «переднегласных» словах, одни (напр., д, б, г, дж, з, ж) допускаются только между гласными (или между р, л, м, н и гласной) другие (напр., т, п, к, ч, с, ш) именно в этом положении не допускаются и т. д. Таким образом, несмотря на относительное богатство общего инвентаря звуков, язык оказывается фонетически однообразным. Благодаря строгому подчинению всей звуковой системы языка вышеупомянутым законам число возможных звуковых комбинаций ограничено и в связной речи одни и те же комбинации звуков постоянно повторяются. Речь получает особо явственное звуковое единство, создается некоторая акустическая инерция (подобная инерция тональностей в музыкальном произведении). Та же стройность и педантичное следование единообразным законам наблюдается и в грамматике тюркских языков. Эта грамматика, собственно, не знает «исключений». Все существительные склоняются по одному и тому же образцу: вариации, обусловленные только законами гармонии звуков, в силу всеобщности этих законов не сознаются как исключения³. Все глаголы спрягаются одинаково⁴. Поражает

¹ а — звук средний между е и а, нечто вроде той гласной, которая звучит в русском слове «пять».

² Например, в алтайском языке после слога, содержащего гласную о, может стоять только слог, содержащий о или и; после слога с гласной ы — только слог, содержащий ы или а, и т. д. По-турецки гласные у, и допускаются в не первом слоге слова, только если предшествующий слог содержит «темную гласную»; гласные ы, i — только после слога со «светлой» гласной.

³ Например, по-турецки кол — «рука» имеет родительный падеж колун, а таш — «камень» — родительный падеж ташын не потому, что эти слова принадлежали к разным склонениям, а потому, что по закону гармонии гласных у может стоять только после слога с задней темной гласной, а ы — только после слога со светлой задней гласной и т. д.

⁴ Если не считать глагола «быть», который чуть ли не во всех языках земного шара представляет отступление от нормы.

трезвая экономия грамматического инвентаря: нет никаких грамматических категорий с логически или материально не оправданным значением¹. Корень изменяемого слова (т. е. комплекс звуков, являющийся носителем его основного материального значения) составляет всегда первую часть этого слова, т. е. словесные элементы с грамматическим значением всегда стоят после корня, представляя из себя «суффиксы» или «окончания», а «префиксов» или «приставок» нет. Гласный корень во всех формах остается неизменным, гласный же суффикс и окончание меняются, смотря по качеству гласной предшествующего слова, согласно с законами гармонии гласных, спаивающими все элементы слова в одно фонетическое целое; в то же время сам порядок расположения в пределах одной словесной единицы разных грамматических элементов нормируется особыми строго логическими правилами, создающими смысловое единство слова².

Та же логическая схематичность и последовательность наблюдается и в области синтаксиса. Порядок слов в предложении определяется несколькими простыми общими правилами, не допускающими исключений. Слова определяющие стоят непосредственно перед словами определяемыми, подлежащее предшествует сказуемому (даже общее: слово, выражающее субъект действия, предшествует слову, выражающему действию), прямое дополнение стоит между подлежащим и сказуемым и т. д. В эту простую схему вписываются как самые простые, так и самые сложные предложения, даже периоды³.

¹ Например, нет деления существительных на роды.

² Со звуковой стороны тюркское слово есть комплекс в известном отношении однородных звуков; со стороны смысловой есть единое представление. Звуковое единство тюркского слова определяется действием законов гармонии звуков: на том месте, где это действие прекращается, лежит и граница данной словесной единицы, и начинается другая словесная единица. Это подчеркивается ударением, которое в принципе лежит на последнем слоге каждого слова. Так как все законы гармонии звуков сводятся к тому, что качество звуков каждого слова определяется качеством звуков непосредственно предшествующего слога того же слова, а первым слогом каждой словесной единицы всегда является корень, то можно сказать, что корень определяет собой весь фонетический характер (звуковой облик) данного слова. Смысловым эквивалентом этой звуковой стороны является порядок расположения грамматических элементов слова. За корнем следуют суффиксы, т. е. звуковые комплексы, изменяющие и специализирующие материальное значение слова: присоединение каждого суффикса создает в смысловом отношении новое представление, материально отличное от представления, выражаемого при отсутствии данного суффикса. При этом если в слове несколько суффиксов, то они располагаются так, чтобы суффиксы с наиболее частным и конкретным значением стояли к корню ближе, чем суффиксы со значением более общим и отвлеченным. Наконец, заканчивается слово окончанием, т. е. звуковым комплексом, не изменяющим материальное представление о данном предмете или действии, а указывающим лишь логическое отношение данного слова к другим словам того же предложения. Этот принцип расположения формальных элементов слова проводится с неумолимой последовательностью. Так, например, отрицание в глаголе выражается особым суффиксом, ибо представление о действии отрицательном иное, чем о действии утверждаемом, и т. д. Возьмем несколько примеров, иллюстрирующих все сказанное о звуковом и морфологическом строении тюркского слова. Османско-турецкое таш — «камень» заключает в себе светлую заднюю гласную а; джы (перед гласным джыг) — суффикс уменьшительных: ташджык — «камушек»; лар — суффикс множественного числа: ташлар — «камни», ташджыклар — «камушки»; ым — суффикс притяжательный 1-го лица единственного числа: ташым — «мой камень», ташларым — «мои камни», ташджыгым — «мой камушек», ташджыкларым — «мои камушки»; да — окончание местного падежа: ташда — «в камне», ташджыкда — «в камушке», ташларда — «в камнях», ташджыкларда — «в камушках», ташымда — «в моем камне», ташджыгымда — «в моем камушке», ташларымда — «в моих камушках». Нетрудно заметить, что все эти слова как бы настроены на одну тональность а-ы: эта тональность задана качеством гласной корня таш. От слова ев — «дом» все аналогичные производные строятся, так сказать, в другой тональности (а именно е-), задаваемой гласной коренного слова: сравни евджиклеримде — «в моих домиках» и т. д.

³ Дело в том, что предложения относительные и условно-относительные выражаются причастными конструкциями, причем сами причастия рассматриваются как определения и, согласно общему правилу, ставятся перед определенным словом: «я принес книгу, которую ты видел» переводится «я тобой виденную книгу принес». Предложения цели выражаются конструкциями со склоняемым инфинитивом, который ставится в дательном падеже и занимает в фразе обычное место, предназначенное для косвенного дополнения: «я принес книгу, чтобы ты ее прочел» переводится «я к тобой прочтению» (к твоему прочтению) книгу принес». Предложения времени выражаются местным (locativus) или отложительным (ablativus) падежом субстантивированного имени глагольного действия: например, «когда я проходил, ты сидел» переводится «ты в моем прохождении (во время моего

Подводя итог всему сказанному о тюркском языковом типе, приходим к заключению, что тип этот характеризуется схематической закономерностью, последовательным проведением небольшого числа простых и ясных основных принципов, спаивающих речь в одно целое. Сравнительная бедность и рудиментарность самого речевого материала, с одной стороны, и подчинение всей речи как в звуковом, так и в формальном отношении схематической закономерности — вот главные особенности тюркского языкового типа.

После языка наибольшее значение для характеристики национального типа имеет народное искусство.

В области музыки тюркские народы представляют гораздо меньше единства, чем в области языка: зная османско-турецкий язык, можно без особого труда понимать казанский или башкирский текст, но, прослушавши одну за другой сначала османско-турецкую, а потом казанско-татарскую или башкирскую мелодию, приходишь к убеждению, что между ними нет ничего общего. Объясняется это, конечно, главным образом различием культурных влияний. Музыка османских турок находится под подавляющим влиянием музыки арабской, с одной стороны, и греческой — с другой. Подавляющее влияние арабско-персидской музыки наблюдается также у крымских и азербайджанских татар. При определении подлинно тюркского музыкального типа музыка турецкая, крымско-татарская и азербайджанская, особенно «городская», в расчет приниматься не может. Если мы обратимся к музыке других тюркских народов, то увидим, что у большинства их господствует один определенный музыкальный тип. Этот тип, по которому строятся мелодии волжско-уральских, сибирских, части туркестанских и китайско-туркестанских тюрков, характеризуется следующими чертами. Мелодия строится на так называемом бесполутонно-пятитонном (иначе — индокитайском) звукоряде, т. е. как бы на мажорном звукоряде с пропуском четвертой и седьмой ступени: например, если в мелодии встречаются тоны до, ре и ми, то в ней могут встречаться еще только соль и ля, но ни фа, ни фа-диез, ни си, ни сибемоль встречаться не могут. Ходы на полтона не допускаются совершенно. Хоровые песни поются в унисон, многоголосие неизвестно. Со стороны ритмической мелодия строится строго симметрично, т. е. делится на части с равным числом тактов в каждой мелодии — 2, 4, 8 и т. д. Можно установить небольшое число основных типов мелодий, из них важнейшие: 1) тип мелодии, построенной на нисходящей каденции, т. е. основанной на чередовании движения вверх и движения вниз, причем с каждым разом верхний и нижний пределы движения все понижаются, а амплитуда самого движения сокращается; 2) тип мелодии, основанной на противопоставлении двух частей, из которых первая заключает в себе небольшую музыкальную фразу, два раза повторенную, а вторая часть — две разные фразы, построенные ритмически приблизительно одинаково и осуществляющие короткое нисходящее движение. Оба этих типа представляют между собой некоторые второстепенные различия. Но в общем оба типа подчинены одним и тем же законам: гармоническому закону пятитонного звукоряда и ритмическому закону симметрического равенства частей и парной периодичности. Тюркские песни, сложенные по этому образцу, отличаются особенной гармонической и ритмической ясностью и прозрачностью. Каждая такая мелодия представляет из себя одну или две похожие друг на друга и очень простые музыкальные фразы, но эти фразы могут повторяться до бесконечности, образуя длинную и однотонную песню.

Иначе говоря, здесь намечаются те же основные психологические черты, которые мы отметили выше в строе тюркских языков: сравнительную бедность и рудиментарность материала и полное подчинение простым и схематичным зако-

---

прохождения) сидел» и т. д. Наконец, чрезвычайно употребительны и разные деепричастия, из которых некоторые заменяют наши конструкции с союзом «и». Например, «я пошел и вернулся» переводится «я пойдя вернулся» (по-турецки: бен гидип гельдим) и т. д. Словом, все, что так или иначе можно подчинить одному подлежащему и одному сказуемому, втискивается в рамки одного предложения.

нам, спаивающим материал в единое целое и придающим этому целому известную схематическую ясность и прозрачность.

Относительно устной поэзии тюркских народов приходится сказать то же, что мы выше сказали о музыке: если откинуть те формы поэзии мусульманских тюрков, которые явно навеяны арабскими и персидскими образцами, то в поэзии разных тюркских народов намечаются черты одного общего типа.

Так как в большинстве тюркских языков различия между долгими и краткими гласными не существует, а ударение, фиксированное на последнем слоге слова, не сознается говорящими как смыслообразующий («фонологический») фактор языка, то тюркское стихотворение построено на числе слогов, т. е. является «силлабическим», точнее говоря, стихосложение это основано на правильном повторении «слово-разделов» (границы между двумя соседними словами) через промежутки, заполненные определенным числом слогов. Звуковое однообразие начала и конца тюркских слов, вызванное последовательно проведенными и регулируемыми всю тюркскую речь вызвуковыми законами, значительно облегчает пользование качественным ритмом, т. е. присоединение к основному силлабическому принципу стихосложения еще и второго, подсобного принципа в виде повторения в начале или в конце каждого метрического сегмента звуков одинакового качества. И действительно, в поэзии большинства тюркских народов существует либо аллитерация, либо рифмы. При этом сообразно со свойствами тюркских языков, подчиняющих гласные слова законам гармонии, гласные при аллитерации и при рифме играют незначительную роль: биринджи — «первый» может рифмовать с онундиз — «десятый». Наряду с ритмом внешним, ритмом звуков, существует и ритм внутренний, ритм значений. Тюркская поэзия имеет решительную склонность к параллелизму. Поэтические произведения некоторых тюркских племен всецело построены на принципе параллелизма. Все стихи группируются парами, причем второй стих в каждой паре повторяет содержание первого другими словами; в тех редких случаях, когда первый и второй стих не тождественны по содержанию, они все-таки построены по одинаковой синтаксической схеме, так что остается по крайней мере формальный, синтаксический параллелизм. Дело в принципе, конечно, не меняется, когда стихи группируются не по два, а по четыре и когда параллелизм существует не между двумя соседними стихами, а между первой и второй половиной одного четверостишия.

В отношении поэтического творчества отдельные тюркские народы представляют довольно различные типы. У одних (например, у казанских татар) господствуют короткие четверостишия с довольно слабой смысловой связью между первой и второй частью (вроде русских частушек), но все же с ясной выраженной тенденцией хотя бы к синтаксическому параллелизму. У других племен находим двестишия или симметрично построенные четверостишия с параллелизмом, доходим до тавтологии. Наконец, известны и длинные, большей частью эпические песни: но и они строятся строфически, с подчинением каждой строфы принципу параллелизма, а нередко с объединением нескольких строф в одну симметрично-параллелистическую фигуру. Между внешними и внутренними особенностями тюркского стихосложения существует неразрывная связь: рифма и аллитерация неразрывно связаны с принципом смыслового и синтаксического параллелизма (большой частью рифмуют одинаковые грамматические окончания частей предложения, попадающих в силу синтаксического параллелизма на одинаковые места в двух смежных стихах); а в то же время те же рифмы или аллитерации, подчеркивая начало или конец стиха, способствуют ясности силлабического членения и строфического построения. Если ко всему этому прибавить, что число метров, употребляемых в тюркской поэзии, очень незначительно (стихи в 7, 8, 11 и 12 слогов), что рифмы большей частью «грамматические», что параллелизм большей частью склоняется либо в сторону полной смысловой тавтологии, либо в сторону исключительно синтаксической аналогии, а более сложные образные сравнения сравнительно редки, то мы получим достаточное представление о характере тюркского поэтического творчества. В этом творчестве мы видим опять

те же психологические черты, которые уже отметили в языке и в музыке: сравнительную бедность средств при замечательно последовательной закономерности и схематичной ясности построения.

Итак, рассмотрение строя тюркских языков, тюркской музыки и поэзии привело нас к установлению известных особенностей тюркской психологии, выступающих во всех этих проявлениях национального творчества. В других областях духовной культуры тюрков сквозят те же психологические особенности. В отношении религиозной жизни тюрки не отличаются активностью. Большая часть тюркских племен в настоящее время исповедует ислам, в древности были тюрки-буддисты (уйгуры) и юдаисты (хазары). Тюркские племена, сохранившие национальную языческую веру, сейчас немногочисленны. Из них особого внимания заслуживают алтайцы. Религия этих последних (поскольку они еще сохраняют язычество) проникнута идеей дуализма, и любопытно, что дуализм этот возведен в последовательную педантически-симметричную систему. Здесь мы, следовательно, опять встречаемся с тем рудиментарным схематизмом, который уже отмечали в языке, в музыке и в поэзии. В язычестве якутском и чувашском находим в общем ту же дуалистическую тенденцию, но проведенную менее последовательно и схематично, чем у алтайцев.

В обычном праве, в частности в системе родового строя, специфические черты тюркской психологии тоже отражаются, но в этой области схематизм связан, так сказать, с существом дела, проявляется и у многих других народов, так что явление это не является характерным. Все же нельзя не отметить, что тюркское обычное право в общем всегда оказывается более разработанным и более систематично построенным, чем обычное право других племен той же географической зоны (за исключением монголов).

3

Таким образом, мы не ошибемся, если скажем, что во всем духовном творчестве тюрков господствует одна основная психическая черта: ясная схематизация сравнительно небогатого и рудиментарного материала. Отсюда позволительно делать выводы и о самой тюркской психологии. Типичный тюрк не любит вдаваться в тонкости и в запутанные детали. Он предпочитает оперировать с основными, ясно воспринимаемыми образами, а эти образы группировать в ясные и простые схемы. Однако следует остерегаться от возможных неправильных толкований этих положений. Так, ошибочно было бы думать, что тюркский ум особенно был бы склонен к схематическому отвлечению. Конкретные этнографические данные, из которых мы извлекли указание на характер тюркского психического типа, не дают нам оснований для подобного заключения. Ведь те схемы, на которых, как мы видели, строится тюркское духовное творчество, отнюдь не являются продуктом философской абстракции и даже вовсе не носят характера чего-то нарочито обдуманного. Наоборот, они подсознательны и существуют в психике как неосознанная причина той психической инерции, благодаря которой все элементы психического материала сами собой укладываются именно в таком, а не в ином порядке: это возможно благодаря особенной элементарности и простоте этих схем. С другой стороны, ошибочно было бы думать, чтобы шорность или схематичность тюркской психологии препятствовала широкому размаху и полету фантазии. Содержание эпических преданий тюркских племен решительно противоречит такому представлению. Тюркская фантазия не бедна и не робка, в ней есть смелый размах, но размах этот рудиментарен: сила воображения направлена не на детальную разработку, не на нагромождение разнообразных подробностей, а, так сказать, на развитие в ширину и в длину; картина, рисуемая этим воображением, не пестрит разнообразием красок и переходных тонов, а написана в основных тонах, широкими, порой даже колоссально широкими мазками.

Это стремление к разрастанию вширь, глубоко характерное для тюркского творчества, внутренне обусловлено теми же основными чертами тюркской психики. Мы видели, что самое длинное тюркское слово (например, османско-турецкое *вурүштурамамышыдыныз* «вы не заставили их побить друг друга») построено по тем же звуковым и этимологическим законам, как и самое короткое, что самый длинный период строится по тем же синтаксическим правилам, как и короткое простое предложение, что в самой длинной песне господствуют те же композиционные правила, что и в короткой, что и длинные поэмы построены на тех же правилах, как и короткие двустишья. Благодаря элементарности материала и отчетливой простоте схемы построение легко может растягиваться до произвольно больших размеров. И в этом растяжении воображение тюрка находит удовлетворение.

Описанная психология типичного тюрка определяет собой и жизненный уклад, и миросозерцание носителей этой психологии. Тюрк любит симметрию, ясность и устойчивое равновесие; но любит, чтобы все это было уже дано, а не задано, чтобы все это определяло по инерции его мысли, поступки и образ жизни: разыскивать и создавать те исходные и основные схемы, на которых должны строиться его жизнь и миросозерцание, для тюрка всегда мучительно, ибо это разыскивание всегда связано с острым чувством отсутствия устойчивости и ясности. Потому-то тюрки всегда так охотно брали готовые чужие схемы, принимали иноземные верования. Но, конечно, не всякое чужое миросозерцание приемлемо для тюрка. В этом миросозерцании непременно должна быть ясность, простота, а главное, оно должно быть удобной схемой, в которую можно вложить все, весь мир во всей его конкретности. Раз уверовав в определенное миросозерцание, превратив его в подсознательный закон, определяющий все его поведение, в универсальную схему и достигнув таким образом состояния устойчивого равновесия на ясном основании, тюрк на этом успокаивается и крепко держится за свое верование. Смотря на миросозерцание именно как на незыблемое основание душевного и бытового равновесия, тюрк в самом миросозерцании проявляет косность и упрямый консерватизм. Вера, попавшая в тюркскую среду, неминуемо застывает и кристаллизуется, ибо она тем призвана играть роль незыблемого центра тяжести — главного условия устойчивого равновесия.

На этой особенности тюркской психологии основано странное явление: притяжение между психикой тюркской и семитской. Трудно найти две более различные, прямо противоположные друг другу психики. Можно показать, опять-таки на основании конкретных этнографических данных, языка, музыки, поэзии, орнамента, что психология семита разительно противоположна психологии тюрка. И тем не менее не случайно, что большинство тюрков — магометане и что тюрки-хазары были в истории единственным несемитским народом, сделавшим своей государственной религией юдаизм. Семит, выискивающий противоречия и в казуистическом их преодолении любящий ворошить в сложно переплетенных и запутанных тонкостях, и тюрк, более всего ненавидящий тревожное чувство внутреннего противоречия и беспомощный в его преодолении, — это две природы не только не сходны, но и прямо друг другу противоположны. Но в этой противоположности и причина притяжения: семит делает за тюрка ту работу, на которую сам тюрк не способен, — преодолевает противоречия и подносит тюрку решение (пусть казуистическое), свободное от противоречий. И не мудрено поэтому, что, ища необходимой базы для устойчивого равновесия, тюрк постоянно выбирает такой базой плод творчества семитского духа. Но заимствуя этот плод чуждого духа, тюрк сразу упрощает его, воспринимает его статически, в готовом виде и, превратив его в одно лишь незыблемое основание своей душевной и внешней жизни, раз навсегда мумифицирует его, не принимая никакого участия в его внутреннем развитии. Так, тюрки не дали исламу ни одного сколько-нибудь крупного богослова, юриста или мыслителя: они приняли ислам как завершенное данное.

Обрисованная нами выше психологическая характеристика тюркского племени в общих чертах может рассматриваться и как характеристика всех «туранцев» или «урало-алтайцев». Монголы в этнопсихологическом отношении составляют с тюрками одно целое. Все, что сказано выше о типических чертах тюркских языков, тюркской музыки, поэзии, обычного права, о направлении тюркской фантазии, мировоззрения и укладе жизни, в одинаковой мере применимо и к монголам; только у монголов все эти типические черты выступают еще более резко, чем у тюрков. Случаев притяжения между монгольской и семитской психологией в силу исторических причин нет. Тем не менее монголы, так же как тюрки, заимствуют в качестве базы своего мировоззрения и бытового уклада готовый результат чужого духовного творчества; только источник заимствования здесь не семитский ислам, как у тюрков, а индийский буддизм в китайско-тибетской передаче. Если тюрки, как было сказано выше, мумифицировали и заморозили ислам и не приняли никакого участия во внутреннем развитии мусульманской мысли, то еще более это можно сказать об отношении монголов к буддизму.

Если монголы, таким образом, отличаются от тюрков более резким проявлением всех типических черт туранской психологии, то об угро-финнах следует сказать как раз обратное. Черты туранской психологии ясно проявляются и у угро-финнов, но всегда в более слабой степени, чем у тюрков. Финские языки в общем построены на тех же основных принципах, что и тюркские, но принципы эти проведены менее последовательно¹.

Неправильности и «исключения» в каждом языке неизбежно происходят в силу бессознательных механических изменений, претерпеваемых каждым языком в течение его истории и связанных с самой природой исторического развития языка: всякая более древняя стадия развития языка всегда более «правильна», чем стадия новейшая. Но дух подчинения живой речи подсознательным схематическим законам в тюркских языках настолько силен, что совершенно нейтрализует это разрушительное действие исторических процессов; потому-то грамматики современных тюркских языков не знают (или почти не знают) «исключений» и потому-то отдельные современные тюркские языки так похожи друг на друга. В угро-финских языках этот сдерживающий дух ясной закономерности оказался гораздо слабее; поэтому грамматики некоторых из этих языков (например, языка собственно финского — «суоми») пестрят исключениями и отдельные угро-финские языки существенно отличаются друг от друга. Другое отличие угро-финской психики от тюркской состоит в том, что финское творчество всегда обладает, так сказать, меньшим размахом, чем тюркское². Наконец,

¹ Прежде всего самый языковой материал, инвентарь звуков и форм в угро-финских языках менее рудиментарен, более разнообразен, чем в тюркских: есть финские языки с довольно богатой звуковой системой, во всех финских языках довольно много падежей, многие финские языки имеют довольно сложные системы спряжения, например выражают личными окончаниями не только подлежащее, но и прямое дополнение глагола. С другой стороны, основные законы, определяющие построение слов, проведены с неполной последовательностью: законы гармонии гласных и употребления согласных не так ясны, а главное, не так детализованы, как в тюркских языках; из закона о единстве окончания есть целый ряд исключений, т. е. таких случаев, где два грамматических окончания комбинируются вместе; в некоторых финских языках допускаются при глаголах кроме суффиксов и префиксы (приставки) и т. д.

² Это положение наглядно иллюстрируется и символизируется музыкой. Есть всякие основания утверждать, что основным угро-финским звукорядом является звукоряд, состоящий из пяти первых нот мажорной гаммы: на этом звукоряде и до сих пор строятся песни вогулов и остяков, древнейшие песни других угро-финских народов, и наиболее архаичные гуслеобразные струнные инструменты как западных финнов («кентеле»), так и у вогулов и остяков («сангульдап») представляют пять струн, настроенных в том же звукоряде. Если припомнить сказанное выше о тюркских мелодиях, то сравнение этих мелодий с угро-финскими может быть выражено так: и в тех и в других участвуют только пять тонов, но в то время как в тюркских мелодиях эти пять тонов располагаются в пределах по крайней мере октавы, типичные угро-финские мелодии движутся в пределах квинты. При непосредственном восприятии типичные угро-финские мелодии производят впечатление стесненности и, особенно по сравнению с тюркскими, поражают отсутствием всякого размаха.

сравнивая угро-финские языки и проявления духовной культуры с тюркскими, убеждаешься в том, что угро-финны психически и культурно гораздо пассивнее тюрков. В словарях тюркских языков слова, заимствованные из других языков, всегда имеются, но эти слова большей частью заимствованы не у каких-либо соседей, с которыми турки приходили в непосредственное соприкосновение, а у народов, культура которых повлияла на культуру данного тюркского племени, так сказать, «издалска», в порядке иноземной моды: поэтому таких слов в литературном языке всегда гораздо больше, чем в народном. В турецком народном языке есть довольно много арабских и персидских слов, но слов греческих, армянских или славянских почти нет. Зато в языках всех тех народов, с которыми турки приходили в соприкосновение, всегда масса тюркских слов. Совершенно иную картину в этом отношении представляют языки угро-финские: их словари положительно пестрят словами, заимствованными в самое различное время, начиная с глубокой древности и до новейшего времени, у всех народов, с которыми угро-финны когда-либо приходили в соприкосновение. В то же время влияние самих угро-финских языков на словари народов, входивших с ними в соприкосновение, поразительно слабо: несмотря на многовековое сожительство великоруссов с угро-финнами, в великорусском языке можно указать лишь самое малое число финских слов, да и то обычно не выходящих за пределы какого-нибудь географически ограниченного областного словаря; несколько больше оказал влияния на соседние славянские языки язык мадьярский, но главным образом в сравнительно позднее время, и, во всяком случае, число славянских слов, усвоенных самим мадьярским языком, гораздо больше, чем число мадьярских слов, вошедших, например, в язык сербохорватский¹. Та же пассивность, та же открытость иноплеменному влиянию наблюдается и во всех сторонах духовной культуры угро-финнов: отметим влияние славянское, в частности русское, сверх того у волжско-камских и зауральских угро-финнов влияние тюркское, у угро-финнов западных влияние «балтийское» (латышско-литовское) и германское, в более древние эпохи у всех угро-финнов влияние иранское и кавказское. При попытке выделить из культуры того или иного угро-финского племени все эти иноплеменные элементы и таким образом очистить чисто угро-финское ядро этой культуры исследователь зачастую остается почти с пустыми руками. И все же, несмотря на это непрерывное заимствование отовсюду, культура отдельных угро-финских племен носит своеобразный характер, явственно отличаясь от культуры тех народов, от которых производились заимствования. Своеобразие это зависит прежде всего от того, что, раз позаимствовав у данного народа какой-нибудь элемент культуры, угро-финны сохраняют этот элемент в более древнем, архаическом виде, чем тот вид, в котором этот элемент сохраняется у его первоначального носителя: так, мордва сохранила много заимствованных у великоруссов элементов культуры, которые у самих великоруссов либо подверглись полному забвению, либо изменились почти до неузнаваемости и о славянском происхождении которых можно заключать только по тому, что они еще бытуют у некоторых других славян. Во-вторых, своеобразие происходит также и оттого, что угро-финны синтезируют элементы, заимствованные из нескольких разнородных культур. Наконец, если заимствуются мотивы и, так сказать, материал построения культурных ценностей, то самые методы этого построения и психологические основания форм творчества у угро-финнов остаются своими, туранскими. В общем можно сказать, что угро-финны сохраняют все типические черты туранской психики, но в несколько смягченном виде и при меньшей психической активности, чем турки и монголы.

Таким образом, несмотря на то, что генетическое родство между отдельными семействами «урало-алтайских» или «туранских» языков более чем сомнительно

¹ Только на словарь самоедских языков угро-финское влияние оказалось значительным, но при этом и сами угро-финские языки (зырянский, вогульски, остяцкий) не остались чужды обратному самоедскому влиянию.

и что отдельные туранские народы во многих отношениях существенно отличаются друг от друга, тем не менее можно говорить о едином туранском этнопсихологическом типе, по отношению к которому этнопсихологический тип тюркский, монгольский и угро-финский являются оттенками или вариантами.

5

Для ответа на вопрос, как и в чем туранский психологический тип может отражаться в русском национальном характере и какое значение имели черты туранской психики в русской истории, надо прежде всего ясно и конкретно представить себе туранский психологический тип в применении к жизни отдельного человека. Сделать это можно, исходя из данного выше определения туранского психологического типа.

Типичный представитель туранской психики в нормальном состоянии характеризуется душевной ясностью и спокойствием. Не только его мышление, но и все восприятие действительности укладывается само собой в простые и симметричные схемы его, так сказать, «подсознательной философской системы»¹. В схемы той же подсознательной системы укладываются также все его поступки, поведение и быт. Притом «система» уже не создается как таковая, ибо она ушла в подсознание, сделалась основой всей душевной жизни².

Благодаря этому нет разлада между мыслью и внешней действительностью, между догматом и бытом. Внешние впечатления, мысли, поступки и быт сливаются в одно монолитное неразделимое целое. Отсюда — ясность, спокойствие и, так сказать, самодовление. Практически это состояние устойчивого равновесия при условии некоторой пониженной психической активности может привести к полной неподвижности, к косности. Но это отнюдь не обязательно, ибо те же черты вполне соединимы и с психической активностью. Устойчивость и стройность системы не исключают дальнейшего творчества, но, разумеется, это творчество регулируется и направляется теми же подсознательными устоями, и благодаря этому самые продукты такого творчества сами собой, естественно входят в ту же систему мировоззрения и быта, не нарушая ее общей стройности и цельности.

Что касается до социальной и культурной ценности людей туранского психологического типа, то ее нельзя не признать положительной. Туранская психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству³. Успешность этого строительства, разу-

¹ Вполне отдавая себе отчет в парадоксальности этого термина, мы все-таки решаемся его применять за неимением лучшего.

² Важно, чтобы система стала именно подсознательной. В тех случаях, когда система, в простые и ясные схемы которой должно укладываться все (внешний мир, мысли, поведение, быт), осознается как таковая и постоянно пребывает в поле сознания, она превращается в навязчивую идею (*idée fixe*), а человек, одержимый ею, — в маньяка, фанатика, лишенного всякой душевной ясности и спокойствия. Это бывает тогда, когда система неуклюжа и плоха, так что бытие в нее укладывается не само собой, а путем насилия над природой. Такой случай возможен, если человек туранского типа почему-либо откажется от той удобной, выработанной постепенными усилиями многих поколений системы мировоззрения и быта, которой живут другие его соплеменники, и попробует сам создать совершенно новую систему. Не будучи способен плодотворно мыслить (а следовательно, и искать новую систему) без наличия в подсознании уже готового твердого устоя, такой человек большей частью создает именно плохую, неудобную систему, топорно переработав и упростив какую-нибудь чужую. Случай этот, разумеется, редкий, и вследствие неудобства той системы, которую создают подобные люди, система эта у других людей туранского типа обычно не имеет успеха. При особенно сильном темпераменте и при исключительной одаренности создателям таких доморощенных систем — *idées fixes* удастся собрать вокруг себя разве только небольшую секту таких же фанатиков этой «идеи», как они сами.

³ Разумеется, это относится только к нормальному аспекту туранской психики. Люди туранского психологического типа, но с системой, не вмещающей в себе без насилия ни внешнего мира, ни мыслей, ни поведения, ни быта, словом, те основатели сект, о которых говорилось в предыдущем приме-

местся, зависит от степени одаренности и психической активности данной нации, степень же эта может быть различна, и между туранским психологическим типом, как известной формой душевной жизни, и какой-нибудь определенной степенью одаренности или активности никакой обязательной связи нет. Утверждая социальную и культурно-историческую ценность туранского психологического типа, мы только утверждаем, что при каждой данной степени одаренности и психической активности туранский психологический тип создает для развития нации определенные благоприятные условия.

6

Положительная сторона туранской психики несомненно сыграла благотворную роль и в русской истории. Проявления именно этого нормального аспекта туранской психики нельзя не заметить в допетровской московской Руси. Весь уклад жизни, в котором вероисповедание и быт составляли одно («бытовое исповедничество»), в котором и государственные идеологии, и материальная культура, и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы, системы, теоретически не выраженной и сознательно не формулированной, но тем не менее пребывающей в подсознании каждого и определяющей собой жизнь каждого и бытие самого национального целого,— все это несомненно носит на себе отпечаток туранского психического типа. А ведь это именно и было то, на чем держалась старая Русь, что придавало ей устойчивость и силу. Если некоторые поверхностные иностранные наблюдатели не замечали в древней Руси ничего, кроме раболепия народа перед агентами власти, а этих последних — перед царем, то наблюдение это было несомненно неверным. Беспрекословное подчинение есть основа туранской государственности, но оно идет, как и все в туранском мышлении, последовательно, до конца и распространяется в идее и на самого верховного правителя, который непременно мыслится как беспрекословно подчиненный какому-нибудь высшему принципу, являющемуся в то же время руководящей основой и жизни каждого подданного. В древней Руси таким управляющим принципом была Православная вера, понимаемая как органическое соединение религиозных догматов и обрядов с особой православной культурой, частным проявлением которой был и государственный строй с его иерархической лестницей; и именно этот высший принцип, одинаковый как для каждого подданного, так и для самого царя, а, конечно, не принцип голого рабства спаял Русь в одно целое и управлял ею. Православная вера в древнерусском понимании этого термина была именно той рамкой сознания, в которую само собой укладывалось все: частная жизнь, государственный строй и бытие вселенной. И в том, что эта рамка сознания не была предметом сознательного теоретического мышления, а подсознательной базой всей душевной жизни, нельзя не усмотреть известную аналогию с тем, что выше было сказано о нормальном аспекте туранской психики. Пусть самое Православие было воспринято русскими не от туранцев, а от Византии, пусть оно даже прямо противопоставлялось в русском национальном сознании татарщине, все-таки самое отношение русского человека к Православной вере и самая роль, которую эта вера играла в его жизни, были в определенной части основаны на туранской психологии. Именно в силу туранских черт своей психики древнерусский человек не умел отделять своей веры от своего быта, сознательно выделять из проявлений религий несущественные элементы, и

чании, социально вредны. Своим сектанством они разрушают, а не создают национальное единство. Их творчество, основанное на упрямом стремлении согласовать восприятие действительности, мораль и быт с предвзятой и неуклюже-упрощенной схемой, вносит в культуру элементы весьма сомнительной ценности. Благодаря своему неумолимому фанатизму, разжигаемому вечно сверлящей мозг навязчивой идеей, они разрушают гораздо больше, чем создают, и то, что они разрушают или хотят разрушить, обычно гораздо ценнее всего, что они могут предложить взамен. Но не следует забывать, что такие люди составляют исключения и среди настоящих туранцев встречаются редко.

именно поэтому он оказывался таким слабым богословом, когда встречался с греками. То психологическое различие между русским и греческим подходом к вере и к обряду, которое так ярко проявилось в эпоху возникновения раскола, было следствием именно того обстоятельства, что в древнерусском национальном характере глубоко укоренились туранские этнопсихологические элементы, совершенно чуждые Византии.

Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Московские цари, далеко не закончив еще «собрания русской земли», стали собирать земли западного улуса великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири¹. Русский царь явился наследником монгольского хана. «Свержение татарского ига» свелось к замещению татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Даже персональный значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати. Русская государственность в одном из своих истоков произошла из татарской, и вряд ли правы те историки, которые закрывают глаза на это обстоятельство или стараются приуменьшить его значение². Но если такое игнорирование татарского источника русской государственности оказывается возможным, то, конечно, потому, что во внутреннем содержании и в идеологическом оправдании русской государственности ярко выступают элементы, не находящие прямых аналогий в татарской государственности: это — православие и византийская традиция. Чудо превращения татарской государственности в русскую осуществилось благодаря напряженному горению религиозного чувства, благодаря православно-религиозному подъему, охватившему Россию в эпоху татарского ига. Это религиозное горение помогло древней Руси облагородить татарскую государственность, придать ей новый религиозно-этический характер и сделать ее своей. Произошло обрусение и оправославление татарщины, и московский царь, оказавшийся носителем этой новой татарской государственности, получил такой религиозно-этический престиж, что перед ним поблскли и уступили ему место все остальные ханы западного улуса. Массовый переход татарской знати в православие и на службу к московскому царю явился внешним выражением этой моральной притягательной силы.

Но если, таким образом, в московской Руси туранская по своему происхождению государственность и государственная идея оправославились, получила христианское религиозное освящение и идеологически связалась с византийскими традициями, то возникает вопрос: не произошло ли одновременно и обратного явления, т. е. известной «туранизации» самой византийской традиции и проникновения черт туранской психики в саму русскую трактовку православия? Московская Русь, несмотря на всю силу и напряженность религиозного горения, опередявшего не только ее бытие, но и самое ее возникновение, не дала ни одного православного богослова, совершенно так же, как турки не дали ни одного сколько-нибудь выдающегося мусульманского богослова, хотя всегда были побожнее арабов. Здесь сказываются общие черты религиозной психологии: и там

---

¹ Народная эпическая традиция прямо с этого момента и ведет начало московской государственности: «зачиналась каменная Москва, зачинался грозный царь Иван Васильевич». Все, что до Ивана Грозного, покорившего Казань, Астрахань, Сибирь, народная традиция относит к легендарной эпической старине, к эпохе обще-князя Владимира. Даже такое событие, как отказ Ивана III платить дань татарам, попало в былинку (о Василии Казимировиче), в которой «стольным городом» является традиционный Киев, а князем — Владимир.

² Будучи по специальности лингвистом и этнографом, а не историком, пишущий эти строки не решается уклоняться в чуждую ему научную область. Все же хочется отметить, что появившиеся в русском языке со времен татарского ига термины вроде: деньги, алтын, казна, тамга (откуда таможня), ям (откуда ямская гоньба, ямщина, ямской и т. д.) — татарского происхождения. Это ясно указывает на то, что в таких важных функциях государства, как организация финансов и почтовых сообщений, татарское влияние было решающим. При сравнении административных особенностей Московского государства с идеями Чингис-хана, лучшими в основу организации его государства, некоторые аналогии напрашиваются сами собой. Эти вопросы заслуживают детальной разработки историков-специалистов.

и здесь догмат веры рассматривается как данное, как основной фон душевной жизни и внешнего быта, а не как предмет философской спекуляции; и там и здесь религиозное мышление отличается отсутствием гибкости, пренебрежением к абстрактности и стремлением к конкретизации, к воплощению религиозных переживаний и идей в формах внешнего быта и культуры. Вместо сознательно продуманной и тонко детализированной богословской системы в древней Руси получилась некоторая, словами не выраженная, «подсознательная философская система», стройная, несмотря на свою формальную неосознанность, и нашедшая выражение не в богословских трактатах, а во всем житейском укладе, на ней покоящемся. Этим русская религиозность отличалась от греческой, несмотря на свое догматическое тождество с этой последней, и сближалась с туранской, с которой догматического сходства не было и быть не могло.

Не подлежит сомнению, что свойственное древнерусскому благочестию пренебрежение к абстракции и отсутствие православно-богословского творчества было недостатком этого благочестия по сравнению с греческим. Но в то же время нельзя не признать, что то «бытовое исповедничество», та пропитанность культуры и быта религией, которые были следствием особых свойств древнерусского благочестия, были плюсом, а не минусом. Очевидно, «и сие надлежало делать, и того не оставлять». Известная гипертрофия туранских психологических черт вызвала в русской набожности косность и неповоротливость богословского мышления, и от этих недостатков надлежало избавиться¹. Но это ничуть не преуменьшает тех положительных свойств древнерусской набожности, которые могут быть отнесены на долю туранских черт психики. Так обстояло дело в области религиозной, но не иначе было и в области государственной: прививка к русской психике характерных туранских черт сделала русских тем прочным материалом государственного строительства, который позволил Московской Руси стать одной из обширнейших держав.

Подводя итог всему сказанному о роли туранских этнопсихологических черт в русском национальном облике, можно сказать, что в общем роль эта была положительной². Недостатком была чрезмерная неповоротливость и бездеятельность теоретического мышления. От этого недостатка следовало избавиться, но, конечно, без принесения в жертву всех тех положительных сторон русского национального типа, которые были порождены сопряжением восточного славянства с туранством. Видеть в туранском влиянии только отрицательные черты — неблагоприятно и недобросовестно. Мы имеем право гордиться нашими туранскими предками не меньше, чем предками славянскими, и обязаны благодарностию как

¹ Исправиться от этого недостатка тем легче, что самая гипертрофия тех туранских психических свойств, на которых этот недостаток основан, коснулась не всего русского племени, а только одной его части, именно великорусской. Малороссы, гораздо менее великороссов подвергшиеся туранскому воздействию, в меньшей мере обладают некоторыми положительными свойствами туранского происхождения (например, гораздо менее великороссов способны к государственному строительству крупного масштаба), но зато проявляют, пожалуй, большую способность к богословскому умозрению и дали русской Православной Церкви целый ряд выдающихся богословов, как-то: Дмитрий Ростовский, Симон Тадорский, Сильвестр Каневский и всю могилянскую школу с выросшей из нее русской богословско-академической традицией. В Церкви, как и во многих житейских областях, обе главные части русского племени призваны взаимно дополнять друг друга. Отторгаясь друг от друга, каждая из этих частей рисковала бы впасть в однобокость.

² Само собой разумеется, что мы не можем закрывать глаза на то обстоятельство, что люди с описанными выше свойствами аномального аспекта туранской психики в русской среде тоже существовали и существуют. Это русские бунтари-доктринеры, основатели сект, фанатические однодумцы, многие из которых даже в своем внешнем облике представляют черты туранского антропологического типа. Как и следовало ожидать, значение таких людей в русской истории большею частью чисто отрицательное: они разъединяют, а не созидают нацию, разрушают ценностей больше, чем созидают. Следствие не чисто туранского, а смешанного характера русской нации такие люди, исключительно редкие среди настоящих туранцев, среди русских попадают несколько чаще. Но в общем и среди русских они представляются исключениями, и, конечно, не их приходится главным образом иметь в виду при рассмотрении роли туранской психики в русской истории. При этом рассмотрении надо иметь в виду прежде всего нормальные случаи, а не исключения.

тем, так и другим. Сознание своей принадлежности не только к арийскому, но и к туранскому психологическому типу необходимо для каждого русского, стремящегося к личному и национальному самопознанию.

Для всякой нации иноземное иго есть не только несчастье, но и школа. Соприкасаясь с иноземными покорителями и засильниками, нация заимствует у них черты их психики и элементы их национальной культуры и идеологии. Если она сумеет органически переработать и усвоить заимствованное и выйдет, наконец, из-под ига, то о благодарности или вредоносности ига как школы можно судить по тому, в каком виде предстанет освобождение нации.

Монгольское иго длилось более двух веков. Россия попала под него, еще будучи агломератом удельных княжеств, самостийнических, разрозненных, почти лишенных понятий о национальной солидарности и о государственности. Пришли татары, стали Россию угнетать, а попутно и учить. А через двести с лишком лет Россия вышла из-под ига в виде, может быть, и «неладно скроенного», но очень «крепко сшитого» православного государства, спаянного внутренней духовной дисциплиной и единством «бытового исповедничества», проявляющего силу экспансии и вовне. Это был результат татарского ига, тот плод, по которому можно судить о вредоносности или благоприятности самого ига в судьбах русского народа.

Еще через двести с небольшим лет появился Петр Великий и «прорубил окно в Европу». Через окно подули европейские идеи. Началась европеизация правящего класса с усиленным привлечением к этому классу иностранцев. Та стройная «подсознательная философская система», которая в Московской Руси объединяла в одно целое религию, культуру, быт и государственный строй и на которой держалась вся русская жизнь, стала подрываться и разрушаться. А вследствие этого основой государственности неизбежно должна была стать голая сила принуждения. Военная служба и крепостное право существовали и в допетровской Руси, но страной милитаристической и крепостнической *par excellence* Россия стала только в эпоху европеизации. И если вспомнить, что ко всему этому временами присоединялось ожесточенное гонение на все исконно-русское, официальное признание национально-русской культуры варварством и духовное засилие европейских идей, то вряд ли будет преувеличением обозначить этот период русской истории как эпоху «европейского» или «романо-германского» ига. Это иго продлилось тоже более двухсот лет. Теперь Россия вышла из него, но уже в новом виде — в виде «С. С. С. Р». Большевизм есть такой же плод двухсотлетнего романо-германского ига, как московская государственность была плодом татарского ига. Большевизм показывает, чему Россия за это время научилась от Европы, как она поняла идеалы европейской цивилизации и каковы эти идеалы, когда их осуществляют в действительности. По этому плоду и надо судить о благотворности или вредоносности романо-германского ига.

И когда сопоставишь друг с другом эти два аттестата — аттестат татарской школы и аттестат школы романо-германской, то невольно приходишь к тому заключению, что татарская школа была вовсе уж не так плоха...

On the Turan Element in Russian Culture
(with Introduction by A. A. Nikishenkov)

The publication of Trubetsky's paper presents an example of the little known phenomenon of so called Eurasian ethnography. Eurasianism is the philosophic and social movement which became widespread during the 1920's and 1930's among Russian emigrés abroad.

The paper discusses the main points of Eurasian cultural studies and a philosophy of history concerned with the originality and complexity of the Russian character. The paper also examines the methodological link between the new famous school of chronological linguistics, established by Trubetsky himself, and the problem of the ethnic genesis of the Russians.

N. S. Trubetsky